

В.П. Визгин

Экзистенциальные мотивы в «Дневнике» Мен де Бирана*

Визгин Виктор Павлович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vizgin.viktor@yandex.ru

В творчестве Мен де Бирана (1766–1824), основоположника традиции французского спиритуализма, важное место занимает его обширный «Дневник». Разноплановые пласты дневниковых записей французского мыслителя фокусируются в единое смысловое целое фундаментальным экзистенциально-метафизическим вопросом о «точке опоры» в потоке изменений. Этот вопрос, глубоко переживаемый автором «Дневника» не только как теоретическая проблема, но и как личный духовно значимый вопрос, служит стимулом и «пружиной» его философского поиска. В статье особое внимание уделено «переключке» Бирана со стоиками и Паскалем, ставившим, по сути дела, аналогичный вопрос, но в ином контексте. Прослеживаются также некоторые моменты соответствия между Мен де Бираном и таким наследником основанной им традиции, как Габриэль Марсель. Как показано в статье, именно на оси этого вопроса вместе с последовательными попытками его решения артикулируется характерная для бирановской мысли в целом экзистенциальная «мелодия». Автор делает вывод, что «Дневник» основателя французского спиритуализма можно охарактеризовать как дневник экзистенциального философа *avant la lettre*.

Ключевые слова: Мен де Биран, французский спиритуализм, экзистенциальная философия, философия и мудрость, философия и религия

Французский спиритуализм наряду с немецким послекантовским идеализмом и экзистенциальной мыслью Кьеркегора – самые значительные, на мой взгляд, философские достижения первой половины XIX столетия. Начало спиритуалистической традиции во Франции было положено Мен де Бираном (1766–1824), 250 лет со дня рождения которого мы отмечаем. Основать новую традицию, направление мысли может только выдающаяся личность, очень мощный мыслитель. Именно такой личностью и философом был Мен де Биран.

Наиболее сильное впечатление при знакомстве с трудами Мен де Бирана у меня оставил «исключительно важный в философском отношении “Дневник”» [Кротов, 2000, с. 4]. Эта работа – яркое свидетельство того, что мысль Бирана отвечает прежде всего на глубокие вызовы самой жизни и только во вторую очередь имеет дело с отвлеченными интеллектуальными проблемами. В его «Дневнике» можно проследить три основных слоя: 1) личная и семейная жизнь его автора; 2) его политические взгляды и деятельность на фоне исторических событий; 3) **метафизическая рефлекс-**

* Расширенный текст выступления на Круглом столе в НИУ ВШЭ 14 декабря 2016 г. по случаю 250-летия со дня рождения Мен де Бирана.

сия и, шире, философская активность, представленная в самых разных ее формах, включая отзывы на книги, лаконичные записи о дискуссиях в кругу ученых и философов и т. п. Принимая это во внимание, бирановский дневник, если сравнить его с главным произведением Габриэля Марселя того же жанра, можно охарактеризовать как дневник *метафизика* в отличие от *метафизического* дневника основоположника французского экзистенциализма. Будучи таковым, он является, конечно, и «метафизическим дневником», но данная характеристика предполагает нечто большее, что позволяет назвать его *дневником экзистенциального философа avant la lettre*. Вот на этом мы бы и хотели остановиться.

Исследователь творчества Мен де Бирана, хранивший у себя архив мыслителя и издавший его «Дневник» в полном объеме, Лавалет-Монбран сказал о нем, что это мыслитель, который в своей философии обязан только себе. Это верно, если понимать его слова как указание на глубокую оригинальность и самостоятельность мысли Мен де Бирана. Но сказанное историком не означает, что Биран не испытал влияния других философов. Кто же именно оказал на него максимальное воздействие? Это Монтень, Руссо и Паскаль. И не случайно, что все они, хотя и по-разному, – экзистенциальные мыслители. Подобное тянется к подобному, духовно резонируя с ним.

Мен де Биран не просто философ экзистенциального толка, как, скажем, Шестов, но, по сути дела, особенно в зрелый и поздний периоды своего творчества, – экзистенциальный метафизик. Сравнение его с Паскалем здесь многое проясняет. Вот как оценивает философскую апологетику автора «Мыслей» Лавалет-Монбран: «Паскаль стремится объяснить, что же мы такое в нашей жизненной реальности. Проблема, которую он ставит, не является больше абстрактной и теоретической, но конкретной и практической. Отказываясь останавливать свое внимание на внешних фактах, привлекающих историка или физика, автор “Мыслей” исходит из изначального и уникального в своем роде факта – из факта нашего существования» [La Valette Monbrun A. de, 1914, p. 229–230]. По такому же, паскалевскому, пути движется и мысль Мен де Бирана.

С именем Мен де Бирана историки философии связывают начало традиции французского спиритуализма. Что же это за спиритуалист, испытавший сильное воздействие стоиков и Руссо¹, Монтеня и Паскаля, а в теоретическом плане – Кондильяка? Это мыслитель, у которого метафизический поиск и экзистенциальные стимулы и манера мысли неотделимы друг от друга. Как гуманитарный теоретик он стремится к «науке о человеке», ищет ее всю жизнь. Его конкурсные сочинения – попытки ее строгой формулировки². Но между «Дневником» и его теоретическими сочинениями содержательного разрыва нет: экзистенциальность познавательной активности, с одной стороны, и метафизический поиск и научность его представления – с другой, у Бирана невозможно разделить и тем более противопоставить друг другу.

Он ведет дневник, изучает людей и себя самого и вместе с тем систематизирует эти познания в теоретических построениях искомой им науки о человеке. Между экзистенциальным философствованием и научным у него существует тесное взаимодействие и дополнение. Опыт жизни и мысли Бирана показывает, что *экзистенциальность* мышления может идти навстречу стремлению к созданию *науки* о человеке. У него они **сходятся, а не расходятся и противопоставляются друг другу, как это нередко бывает у экзистенциальных мыслителей XX в., например у Шестова.**

Итак, научная устремленность его мысли находит себе место и в личном дневнике. Обратим внимание, например, на записи о заседаниях его домашнего «философского общества». Когда он жил в Париже, оно собиралось еженедельно. К нему

¹ «Возвышенность идей и прелесть стиля всегда меня привлекали» в Руссо [La Valette Monbrun A. de, 1914, p. 156]. И вот научно-философская программа: «Руссо из морального сознания создал поэзию. Я хотел бы из него создать теорию» [Maine de Biran, 1931, p. 100].

² Четыре сочинения Бирана, представленные на разные конкурсы, в том числе объявленные и иностранными академиями, получили премии. Об этом см.: [Кротов, 2000, с. 7–8].

приходят Ампер, близкий друг («ami intime»), Дежерандо, Гизо, Руайе-Коллар, Кювье и некоторые другие философы и ученые. Дневниковые отчеты об этих заседаниях и возникавших на них спорах, как правило, достаточно лаконичны, но и в таком виде они представляют нам философию Бирана как поиск решения общезначимой и в то же время лично и экзистенциально мотивированной проблемы. Естественная «человекомерность» (интерсубъективность, дискуссионность и т. п.) предьявления философской мысли уже отсылает к конкретности и тем самым говорит об экзистенциальном ее характере. Дневник сам по себе как род литературы содержит ресурс экзистенциальности, особенно ярко реализуемый у такого искреннего, цельного, тонкого и склонного к умозрению человека, каким был Мен де Биран.

Обратимся к записям, сделанным 25 сентября 1814 г. Эпоха Реставрации монархии Бурбонов. Мен де Биран в Париже. Имеющий репутацию верного монархиста, он избирается в палату депутатов. Утро, как обычно, начинается у него с приема ванны. «Я принял ванну. Во время купания мне пришли в голову многие продуманные идеи о мыслящем субъекте, который отличает себя от своих модификаций, а также одни модификации от других: атрибут от субстанции, действие от причины; отсюда следует возможность языка. Именно в глаголе вся сила языка, и глагол есть не что иное, как выражение действия, чувство которого неотделимо от существования. В сознании Я положена вся моральность. Это сознание выступает высшим органом, развивающимся позже. То, что выступает как должное, есть потребное для сознания, как вожденное есть потребное для других органов. Любая удовлетворенная потребность есть удовольствие. *Удовольствия сознания* суть невыразимые чувства, всегда сопровождающие исполнение долга» [Maine de Biran, 1931, p. 87]. В этой записи, словно в капельке воды, отражается весь автор дневника как экзистенциальный мыслитель, находящийся в уникальной ситуации – личной, научной, философской, в том числе и политической. Читатель «Дневника» интуитивно, непосредственно схватывает характерное «устройство» бирановской мысли с ее реперными точками – соотношение физического (физиологического) и морального «измерений», рефлексия над метафизикой с ее категориями, в фокусе внимания находящаяся самость человека как его духовный центр. Интерес философа вызывает параллель между физиологией с ее архитектурикой, с одной стороны, и морали (духа) с ее особым строением – с другой. Эти сферы «перекликаются», несмотря на контраст и разрыв между ними. Язык, выработанный в одной из них, применяется для описания другой. Вечером того же дня запись уже совсем другая по своему характеру. Автор «Дневника» как член законодательного органа в течение дня вел профессиональные беседы с коллегами и думал над проектом закона о натурализации. И вот его наблюдение: «Я начал составлять мнение [об этом проекте], но так как меня каждый раз отвлекали и вся моя жизнь совершенно раздвоена (toute coupée), я все начинаю и ничего не довожу до конца. Я совершил ряд действий, которые ни к чему не привели. Я нахожусь в состоянии интеллектуальной и моральной болезни и осознаю свое ничтожество». Горькое самосознание! *Начинания не оканчиваются* или *окончания не начинаются* – вот как можно резюмировать его моральный самоотчет. Философ разумной воли с ее усилием (effort) опытным путем приходит к выводу о границах ее возможностей. К такому повороту в мировоззрении его, человека архичувствительного, впечатлительного, подталкивают и потрясающие воображение политические события, какой-то канкан переворотов и революций. Триумфальное возвращение Наполеона с острова Эльбы в марте 1815 г. Пьер Тиссеран³ считает главной причиной того, что под давлением вызванных им мучительных переживаний Мен де Биран приходит к признанию приоритета самой высшей – религиозной – формы жизни [Tisserand, 1920, p. XIII]. Философ окончательно убеждается в невозможности без религиозной веры обрести надежную «точку опоры» в «постоянном потоке перемен». К этому его согласованно подводят разум, чувство и опыт – как личный, так и общественный.

³ Один из исследователей творчества Мен де Бирана, издавший самое полное собрание его сочинений.

Что делает Бирана такой значительной фигурой в истории философии, особенно французской? Не в том ли секрет его силы, что, свободно владея сформированной к тому времени техникой гносеологически ориентированной мысли, он стремится проникнуть в самые глубокие слои духовного опыта и открывающейся в нем реальности? И вот что нам в первую очередь нужно знать: как он при этом формулирует свой главный вопрос? Прежде всего, он его переживает как высшую напряженность всего своего существования, как духовного и интеллектуального, так телесного и чувственного. Вопрос этот не был отвлеченной проблемой, сформулированной для того, чтобы занять скучающий ум, как это бывает, когда мы заняты какой-то головоломкой или решаем кроссворды. Вся его жизнь, духовная и интеллектуальная в том числе, прошла в поисках *оплота* в потоке непрерывных изменений, иногда приобретающих головокружительный характер. Что в этом потоке перемен постоянно? На что в «неустанно текущей» жизни (*flux perpetuel*) можно положиться как на абсолютно надежный оплот, в чем можно обрести нерушимое убежище, иными словами, «*есть ли точка опоры и в чем она?*» [Maine de Biran, 1927, p. 67]⁴. В этом вопросе, «сшивающем» в одно целое все периоды жизни и мысли Мен де Бирана, сошлись воедино его собственная жизненно-экзистенциальная потребность и общезначимый смысл поисков убедительного ответа на него. Опираясь на выдвинутое стоиками различие между тем, что от нас не зависит, и тем, что находится в зависимости от нас и на что поэтому мы в силах воздействовать, он пытается дать ответ на этот главный вопрос. Только за то, что зависит от нас, мы можем отвечать и поэтому должны обратить на это все свое внимание. Наследие античных стоиков служит постоянной канвой для его размышлений. Лишь в последние шесть лет жизни он окончательно порывает со стоицизмом как нравственной философией, возвращаясь к христианской вере. Но еще в 1815–1818 гг. Мен де Биран пытается найти опору в глубинах собственного духа и надеется ее обрести, опираясь только на свои собственные силы, хотя при этом уже понимает, что религию и разум невозможно разделить. «Я стремлюсь связать себя с тем, что реально, постоянно и неподвижно: это достижимо лишь с помощью религии и разума», – записывает он в 1815 г. [ibid., p. 147]. В это время со стоицизмом, в котором долгое время видел ответ на это фундаментальное вопрошание, он еще не простился. Ситуацию можно представить так: мир переживается им как неустанно текущий поток изменений, единый смысл которых остается непонятным. Но опыт проживаемой в постоянном размышлении жизни его убеждает, что надежной точки опоры в *мире* как *потоке* сменяющихся друг друга явлений нет и быть не может. Где же ее тогда нужно искать? Только в трансцендентной этому миру-потоку реальности, при условии «касания» нас «иным миром» и выхода за пределы нашей мирской, т. е. конечной, самости как цели в себе. Изнутри своей философско-мировоззренческой эволюции в поисках такой опоры Биран приходит к христианскому мировосприятию. Путь к нему был долог и драматичен. Начиная с молодых лет Мен де Биран разделял учение Руссо с его сердечно-простодушной «естественной религией» (деизм). Руссо вообще сильно на него повлиял, но не своими социальными идеями, которые он резко отвергает, а пониманием роли чувства («сердца») в познании и связанной с этим экзистенциальной манерой своих писаний.

Еще более значительным, чем автор «Эмиля», философом, с которым Мен де Биран все время вел напряженный экзистенциально-метафизический спор, был Блез Паскаль. С ним он соотносил себя и свою мысль всю жизнь, ставя ему вопросы исходя из своей актуально осознаваемой духовной ситуации. Ключевой вопрос о «точке опоры» совпадал у него по сути дела с паскалевским вопрошанием о том, откуда и куда идет человек вообще и кто он, собственно говоря, такой⁵. Личное экзистен-

⁴ Запись от 13–14 марта 1811 г.

⁵ «Как, – вопрошает Биран вместе с Паскалем, – жить в мире с самим собой, если не знаешь, откуда ты и куда идешь, и кто ты такой, и что должен делать на земле, где все тайна, неопределенность, сумрак?» [La Valette Monbrun A. de., 1914, p. 99].

циально-метафизическое вопрошание Бирана самым непосредственным образом «перекликается» с паскалевским вопросом о месте человека в космосе, о его судьбе в мире и вечности. Постоянное собеседование и даже сомышление с Паскалем и послужило одним из источников экзистенциальности бирановской философии.

Всю эту постепенно оформляющуюся в своих контурах антропологию и угадываемую за нею метафизику можно назвать и этической, или моральной, философией. Биран с самого начала своей философской активности стремился прояснить условия достижения человеком счастья, которое без удовлетворяющей его самым глубоким образом нравственной позиции вряд ли возможно. Сначала, сильно зависимый от сенсуализма Кондильяка, он обнаруживает, что жизненно, экзистенциально значимая мораль не может быть основана на «философии ощущений», отдающей человека во власть внешнего мира. «Ощущения» оцениваются им как не более чем явления, не могущие не сменяться одни другими. Но за ними – реальность ноуменального мира. Во внутреннем «пространстве» разума и воли, приходит он к выводу, можно «коснуться» подлинной реальности, стоящей за преходящими явлениями. Непосредственно данное чувство волевого усилия указывает нам на наше подлинное бытие.

Итак, от «философии ощущений», идущей от Локка через Вольтера к Кондильяку и «идеологам», Мен де Биран устремляется к своеобразной метафизике воли с ее духовно-нравственным подтекстом, которая и послужила основанием для обозначения его мысли как спиритуализма. Он говорит, что «понял с большей ясностью, чем раньше, различие между феноменами, или ощущениями, и реальностями, которые суть их причины» [Maine de Biran, 1927, p. 148]. **Осознаваемое изнутри непосредственно волевое усилие** преодоления сопротивления есть, согласно Бирану, основополагающий «первичный факт сознания» (*le fait primitif de conscience*), дающий метафизический фундамент для всех познаний и действий.

С годами в круг его чтения входят Фома Кемпийский, Августин, Фенелон. Паскаль, как мы сказали, все время был его собеседником. Но автору «Мыслей» как моральному теоретику вплоть до последних шести лет жизни он предпочитает Эпиктета. Окончательная перемена взглядов наступает только в 1818 г., когда, наконец, он освобождается от античного рационализма, в том числе и прежде всего стоического, развивая философию христианскую. Религия и разум видятся ему сотрудничающими друг с другом и вместе идущими к искомому оплоту, но при этом последнее слово, как он теперь считает, остается за верой: «*Философия ставит проблемы, которые решает только религия*» [Maine de Biran, 1931, p. 104]⁶, – говорит одинокий искатель истины.

Величайшим нравственным авторитетом долгое время для него, как мы сказали, были стоики – Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий. Действительно, «Дневник» Мен де Бирана – продолжение традиции «духовного блокнота» стоиков, образец которого дал Марк Аврелий в своих суровых самоотчетах. Метафизически углубленный опыт самопознания и самовоспитания, представленный на фоне захватывающих перемен в жизни Европы, не может не завораживать современного читателя бирановского «Дневника», тоже ведь испытываемого, как и тогда наш герой, «неслыханными переменами» вокруг него и собственными внутренними кризисами и трагическими событиями.

Но не только стоики служили нравственным и интеллектуальным ориентиром для Бирана. Другим эталоном благородной жизненной мудрости он считал Монтеня, постоянно соразмеряя с ним свою жизнь, вплоть до мелочей. «Я должен написать свои “Опыты”», – записывает он в дневнике [Maine de Biran, 1927, p. 218]. Для гуманитарной культуры Франции Монтень – непревзойденный образец автобиографического жанра. Руссо, например, ставил перед собой амбициозную задачу – превзойти планку монтеневской искренности, обдумывая свой исповедальный автопортрет. И Мен де Биран строил свои творческие планы с подобной оглядкой на автора «Опытов».

⁶ Запись конца июня 1818 г.

Моральный урок Монтеня требует от ученика самостоятельного поиска такого «искусства жить», которое было бы приспособлено для конкретного лица и только для него: «Каждый должен иметь свое собственное искусство жить», – записывает Мен де Биран в «Дневнике» [ibid., p. 161]. Идея «конкретной философии», в которой предьявляет себя экзистенциальная мысль, восходит во Франции в конечном счете к автору «Опытов», затем своеобразно преломляется у Бирана и впоследствии оживает в христианском экзистенциализме Габриэля Марселя.

Мы сказали о значении социальных и политических потрясений мирового масштаба в генезисе экзистенциального характера мысли Бирана. Теперь скажем о сотрясавших его личных событиях и драмах. Стремление к самосовершенствованию, своего рода культ повелевающей страстями разумной воли, предписывающий жить в соответствии с долгом, были с молодости внутренним ориентиром Мен де Бирана. Но вскоре пришли годы не только глубоких общественных потрясений, но и тяжелых личных испытаний. В 1793 г. он потерял сестру, а 23 ноября 1803 г. – жену, что оставило в его душе неизгладимый след и углубило метафизическое зрение. «Этот день будет печальным и святым всю мою жизнь», – записывает он в дневнике одиннадцать лет спустя [ibid., p. 91]. После этих трагических событий, хотя и не сразу, приходит сознание, что абсолютной опоры в самом себе как вместилище текучих ощущений обрести невозможно. Такого оплота «философия ощущений» дать не может. Постепенно возникает понимание, что обрести подобный оплот, ориентируясь как на самоцель только на свое индивидуальное земное благо и счастье, невозможно. Действительно надежная точка опоры видится ему теперь в религиозной вере, которая у него обретает ясный, философски значимый язык.

Генезис религиозно-философской мысли Бирана можно проследить, проанализировав его впечатление, полученное при наблюдении крестного хода по случаю Fête-Dieu⁷. Вот примерный ход его рассуждений, возникших тогда. Религия поражает бесконечностью, ибо восходит к самому Богу. К человеку же она восходить не может, потому что человек действует всегда в конечном объеме пространства и времени. В религиозном же чувстве мы непосредственно переживаем именно *бесконечность*. Людей собирает чувство, в данном случае религиозное, идущее от глубоко – бесконечно – укорененных образов. Подобное чувство может вызываться только настоящей религиозной традицией, которую человек сам по себе создать не может. Бирана интересует вопрос о надежном оплоте в потоке перемен, для решения которого надо сначала ответить на вопрос о границах человеческого как такового, о пределах естественных сил человека. Можно ли обрести такой оплот в рамках человеческой конечности, опираясь исключительно на самого себя, на свои собственные силы? Постепенно в результате подобных переживаний и размышлений он понимает, что опора должна быть трансцендентной⁸.

В эти же годы у Мен де Бирана набирает обороты критика разума, если разумом выдвигаются непомерные для него притязания. Отвлеченный, претендующий на самодостаточность разум не может вести к высшей реальности и истине. Аналитический ум убивает чувство как таковое, в частности чувство Божественного присутствия. Мен де Биран рассуждает примерно так: если химик не находит в своих операциях начала жизни, то это еще не означает, что такого начала не существует. Подобно этому, если философ в своем абстрактном логическом анализе не находит подлинной реальности и онтологически значимой истины, то это не аргумент в пользу того, что ее нет или она недостижима. И вот какой вывод следует из его размышлений, вызванных проникновенным созерцанием религиозной процессии: «Философы XVIII века, – говорит он, – серьезно ошибались – они не знали человека». Не знали

⁷ Католический праздник Corpus Domini (Тела Господа), празднуется с 1264 г.

⁸ У Бирана речь идет о «благодати» (grâce). В традиционном выборе между «благодатью» и «свободой воли» человека он не отдает предпочтения ни одной стороне дилеммы, а стремится к их гармоническому единству. Приходя к религиозной вере, он не перестает свободно философствовать, «наращивая» свою мысль благодаря ее религиозной подоснове. См. об этом: [La Valette-Monbrun, 1914, p. 120].

потому, что чрезмерно рационализировали его. Перемены в нашем состоянии глубоким истоком своим имеют, считает Биран, «неизвестное начало жизни», недоступное для нашего конечного разума. Истину надо искать в той таинственной сфере, где разум, воля и чувство («сердце») сходятся. Можно сказать, что здесь Мен де Биран предвосхищает понятие «онтологической тайны» (*mystère ontologique, mystère de l'Être*), основного концепта экзистенциальной метафизики Габриэля Марселя.

Такая нравственно ориентированная метафизика по праву может быть названа экзистенциальной. Об этом, в частности, говорит нередко встречаемое на страницах «Дневника» выражение *sentiment d'existence* (чувство существования). Акцент на «чувстве существования» был сделан Мен де Бираном уже в ранний период его творчества, когда он ставил вопрос о путях и средствах достижения счастья в жизни. Тогда он искал условий «счастливого чувства существования». Моральная проблематика таких условий, усматриваемых в невозмутимости, душевной гармонии, «спокойствии души» (вспомним «*De tranquillitate animi*» Сенеки), идет из античной традиции. Биран опирается на эту традицию и пытается по-своему решить поставленную таким образом задачу. «В деле счастья, – записывает он в 1795 г., – главное зависит от чувства существования» [*ibid.*, p. 56]. А оно, в свою очередь, зависит, как он в этом постоянно убеждается на своем опыте, от физического состояния человека. Здесь Биран, кстати, сам сын врача, опирается на прогресс медицины, физиологии, антропологических исследований. «Несомненно, – замечает Мен де Биран, – что вариации чувства существования в точности соответствуют модальностям, имеющим место в телесной организации (*dans le corps*)» [*ibid.*, p. 151]. Экзистенциальный мотив в его мысли здесь предстает в двух аспектах. Во-первых, в акцентировании «чувства существования» и, во-вторых, во включении в поле философской рефлексии телесности, того, что в экзистенциализме XX в. предстанет в тематизации «воплощения» и «живого тела». Таким образом, у Мен де Бирана моральное и физическое мыслятся как «моменты» единого целого человеческой природы, непосредственно данного в существовании человека («экзистенции»).

Характерно в этой связи, что свою раннюю философию Мен де Биран называет «*субъективной идеологией*» [Maine de Biran, 1922, p. 11]⁹. Акцент на «субъекте» сделан им уже в начале его философского пути. В духе времени Биран ставит задачу исследования зависимости «чувства существования» от физических и моральных условий, в которых человек действует. В категориях субъекта и объекта как основ теории и практики морали он видит главные концептуальные ориентиры философской антропологии. В поздние годы «субъективный» человек оценивается им как контрастная фигура по отношению к человеку «объективному». В последний день октября 1821 г. по дороге в Париж Биран читает том «Санкт-Петербургских вечеров» Жозефа де Местра. Спутник по экипажу отвлекает его своей болтовней. Но все же мысль де Местра о *молитве* вызывает его собственные размышления, как это нередко у него бывало, поначалу в духе античных стоиков. Но вот приходят и более фундаментальные соображения. Он начинает их с констатации, что «в интеллектуальной теории, как и в моральной практике, все отсылает к такому фундаментальному различию, как различие между субъектом и объектом, понимаемыми надлежащим образом, а именно, субъект понимается как *Я*, желающее и действующее, а объект – как какая-то сила и цель его действия, сопротивляющаяся ему как вовне, так и внутри». Идея сопротивления достойна того, чтобы на нее обратить внимание. И продолжает: «Всякая страсть, – пишет он, – *объективна* сама по себе, потому что мыслящее и действующее существо, которое ее испытывает, всегда может сказать “это не я”, она объективна и в своем отношении к внешнему и чувственному предмету, к которому стремится как с своей цели» [Maine de Biran, 1931, p. 267–268]. Эти рассуждения относятся к общей философской теории. Обращаясь затем к практической стороне,

⁹ «Идеология» здесь понимается в том смысле, в котором это понятие фигурирует в школе «идеологов» с их учением об «идеях как элементах мира».

с такой теорией связанной, Мен де Биран стремится определить те условия или качества человека, от которых зависит истинная ценность нашего морального и интеллектуального существа.

Прежде всего он замечает, что почти всегда эти качества не в чести у толпы с ее аплодисментами, которыми она создает громкие репутации. Посмотрим теперь, какую дихотомию человеческих идеальных типов на основе этих рассуждений и выдвинутых в них категорий рисует Биран. Во-первых, перед нами «смиранный, мудрый, скромный человек, стремящийся отыскивать правду во всем, любящий истину превыше всего и ради нее самой, а не затем, чтобы тщеславиться обладанием ею, и высказывающий ее только в силу долга или необходимости, проходящий по миру незамеченным и несущий с собой лишь сознание добра, которое он принес даже тем, кому он не известен или кто его совершенно забыл». Этого человека, следуя духу рассуждений Бирана и его теоретической терминологии, можно назвать *субъективным существом*. А вот существо *объективное*: «Это человек блестящий, легкий, незадумывающийся, которого всю жизнь несут страсти и мнения и который все время стремится не к тому, чем он должен быть, не к исполнению своего предназначения с тем, чтобы быть угодным Богу и полезным людям, а к тому, чтобы казаться таким со всеми своими личными преимуществами, приобретающий себе имя и известность, основанную на том, что в наибольшей степени как раз противоположно благу человечества» [ibid., p. 268]. Описав такие контрастные антропологические типы, он делает пронизанный латентной метафизикой вывод: «Первый из них жил лишь для субъективного и в субъективности сознания, и он удостоился признания душами, подобными ему. Второй же жил лишь для объективного и в объективности (*l'objectif*) этого мира, оставшись фигурой пустой, проходящей тенью. (Первичное воспитание должно постараться выявить это сущностное различие)» [ibid.]¹⁰. Истина не в объекте, истина – в субъекте, хочется сказать, комментируя этот замечательный текст и вспоминая попутно датского экзистенциального мыслителя, с которым здесь, на католическо-метафизической почве Франции, «перекликается» Мен де Биран. Да, истина – в субъекте, правда, если субъект действует с молитвой, с опорой на веру в трансцендентную реальность. Такая типология в известной мере корреспондирует с классификацией людей, возникающей на основе марселевского различения «бытия» (*être*) и «имения» (*avoir*). Таким образом, задолго до возникновения европейского экзистенциализма у Мен де Бирана мы обнаруживаем вариацию на такую характерную экзистенциалистскую тему, как оппозиция подлинного и неподлинного, бытия и кажимости, лица и личины, цельности и функциональной частичности человека.

Развивая свой подход к решению главного экзистенциально-метафизического вопроса о «точке опоры» в потоке времени, Мен де Биран делит философии на высокие (Паскаль, Лейбниц, Мальбранш) и низкие (философы-сенсуалисты). Расставив такие ценностные ориентиры, теперь он ясно отдает себе отчет, что обрести искомый оплот в «непрерывном потоке» изменений, основываясь на сенсуализме, невозможно, потому что он «уничтожает высшие способности человека» [ibid., p. 136], понимая его как зависимое от внешних условий существо. Но для моральной жизни нужен свободный, ответственный субъект. Обосновать его с помощью «философии ощущений» нельзя. Поэтому у Бирана, преодолевающего сенсуализм, возникает проект *восходящей* антропологии, опирающейся не на пассивное начало в человеке, представленное как ощущение, идущее от внешнего воздействия, а на свободное и активное. Духовное возрастание личности через питаемое сознанием усилие доброй воли – вот что видится ему главной целью внутренней свободы. В итоге на волне подобных прозрений глубоко усвоенное им стоическое наследие преобразуется в христианскую метафизику. Человек в такой «оптике» мыслится как изначальное

¹⁰ При чтении этих слов следует иметь в виду, что во французском языке «*l'objectif*» (помимо «объективного») обозначает еще и цель. «Объективный» человек у Бирана – это человек коротких мирских целей, лишенный внутреннего простора, открытого в бесконечность.

усилие быть (сбыться), что соотносимо с концептом «онтологической потребности» (*exigence ontologique*) Габриэля Марселя. Эта аналогия подтверждается сходством контекстов сопоставляемых понятий. Если у Бирана человек как действующее конкретное целое противостоит раздробляющей его духовное «ядро» множественности «ощущений», то у Марселя выдвигание понятия «потребности быть» (бытия) происходит в контексте аналогичного преодоления раскалывающей человека его функционализации [Марсель, 1995, с. 72–106]. Неопределенная множественность «ощущений» и неопределенная множественность «функций», выступающих как внешние, навязывающие себя человеку силы, равным образом оказываются причинами «раздробления» человека в потоке явлений. Но человек в своем духовном центре *сверхфеноменален*¹¹. Так, можно сказать, сходным экзистенциально-персоналистическим образом мотивируется онтологическая проблема у обоих мыслителей.

Что же нас убеждает в силе бирановской мысли, подтверждая уже высказанное суждение, что именно он является крупнейшей фигурой в философии Франции первой половины XIX в.? То, что Мен де Биран органично сочетает в себе мысль научно организованную с ее экзистенциально-личностным генезисом и функционированием, когда она становится участником духовного возрастания личности, достигаемого в «брани духовной» с самой собой. Об искусстве теоретического мышления Бирана можно судить, например, по конкурсной работе «О влиянии привычки на способность мыслить» [Maine de Biran, 1922], а об экзистенциальном характере его мысли – по «Дневнику» [Maine de Biran, 1927, 1931]. И главное, между ними нет разрыва, а напротив, существует тесная взаимосвязь и единство.

Волевое усилие испытывается нами как интенсивное непосредственно переживаемое внутреннее чувство преодоления сопротивления, совершенно не зависящее от внешних условий и объектов. Итак, искомая точка опоры у позднего Бирана ищется в «самости», в субъекте, а не в объекте, в нас самих как цельных духовных существах, стремящихся к лучшему и прочному в потоке времени. Волевые глубины и источник нашего самосознания при этом сливаются в одно целое, из которого, но без содействия благодатных энергий, открывается недалекая даль Божественного присутствия. Здесь, в опыте предельного самоуглубления как обретения высшего смысла, Мен де Биран встречается с Августином и Паскалем¹².

Метафизический фундамент реальности видится Бираном в актах воли как духовных усилиях, преодолевающих сопротивление ее воплощению. Биранизм как метафизика, таким образом, предстает онтологией воли, действующей из глубин личности, тянущейся ввысь (у Марселя аналог этому идея *sursum*). Это динамическая персоналистическая онтология. Никаких других духовных сущностей, кроме актов воли как усилий, выступающих «первичными фактами сознания» и бытия, нет. «Ощущения» сенсуализма, как и «врожденные идеи» метафизического идеализма, в равной степени не устраивают Бирана, выбирающего трудный путь экзистенциальной персоналистической философии духа. Неизбежность внутреннего усилия следует из базовой противоположности между органическим, шире, телесным началом и сверхорганикой духовных сил. При этом в религиозно ориентированной метафизике позднего Бирана звучат такие экзистенциальные мотивы, в которых сходство с Паскалем бросается в глаза: «Мудрость, истинная сила, – записывает Биран, – состоит в том, чтобы жить в присутствии Бога...» (запись от 17 мая 1824 г.).

Подведем итоги. «Дневник» Мен де Бирана раскрывает исток его экзистенциального философствования. Чем жить, на чем стоять как на непотопляемом острове в потоке постоянных перемен, сотрясающих меня, – из этого вопрошания, охвативше-

¹¹ «Как только я говорю я, я тут же замечаю мое индивидуальное существование, признаю мое бытие – тождественное, прочное, постоянное, я есмь большее, чем явление в моих собственных глазах» (1813 г., цит. по: [Delhomme, 1950, p. 74]).

¹² Кстати, сходную мистическую метафизику присутствия абсолютного «Ты» в самой интимной глубине нашей собственной личности разделяет и Марсель. Для обоих философов бесценен опыт, проделанный Августином.

го все существо французского мыслителя с молодых лет, и росла его мысль. Поэтому основанный Бираном спиритуализм не мог не быть экзистенциальным. Этим Мен де Биран подобен Паскалю¹³, но отличается от немецких идеалистов, среди которых некоторым исключением служит только Шеллинг¹⁴. В основе спиритуализма, идущего от Мен де Бирана, лежит, можно сказать, самоисследование «внутреннего человека» во всем объеме его жизненных проявлений, начиная с органико-витальных и кончая социальными и духовными. Экзистенциальность как стилистический и генетический *modus vivendi* мысли Бирана сочетается у него с концептуальной философией духовной жизни: «Жизнь духа, – записывает он в “Дневнике”, – начинает светиться вместе с первым волевым усилием: Я манифестирует себя внутри самого себя, человек познает себя, он замечает то, что относится к нему и что относится к тому, что отлично от него и происходит от тела» [Maine de Biran, 1931, p. 334]. Спиритуализм – это философия внутреннего человека как воплощенного личного духа, познаваемого во всей полноте его борющегося и стремящегося ввысь существа. Во французском спиритуализме нет абстрактно-понятийно-системной доминанты, характерной для немецкого идеализма, он как бы, для внешнего глаза, «психологичен» и «сенсуалистичен» (интеллектуальные мотивации в нем действительно всегда подзаряжены чувством). Человек как личность в его многоуровневой целостности стоит в фокусе внимания французского спиритуализма, в то время как немецкий идеализм устремлен к познанию абстрактных и потому «тяжелых» для конкретного лица необходимостей как законов движения безличных тотальностей.

Другим высочайшим завоеванием европейской философии первой половины XIX в. помимо немецкого идеализма и французского спиритуализма явилась, как мы сказали, экзистенциальная мысль Кьеркегора, во многом выросшая из радикального противостояния Гегелю¹⁵. Рисуем предположить, что если бы Мен де Биран знал Гегеля, то его реакция на него была бы сходной. Однако это не означает отрицания глубокого своеобразия спиритуализма Бирана по отношению к кьеркегоровской версии экзистенциальной философии. Так, например, в отличие от Кьеркегора, у Бирана нет конфликта верующего духа с научным познанием. Выглядывающий из-за спины датского мыслителя Лев Шестов еще дальше, чем сам автор «Или – или», отстоит от Мен де Бирана. Зато Бирану близок оппонирующий Шестову Габриэль Марсель, христианский экзистенциализм которого сформировался в первую очередь как раз на почве французской спиритуалистической традиции от Мен де Бирана до Бергсона [см. об этом: Визгин, 2013, с. 66–82].

И последнее. Неудивительно, что русская религиозная философия находила у Бирана много близкого себе. Это, конечно, в первую очередь относится к позднему Бирану, когда его мысль приняла отчетливо христианский характер. Но при всей указанной близости русский читатель его «Дневника» не может удержаться от впечатления контраста в тональности между душой православной и католической. Читателю Бирана, воспитанному на русской культурной почве, духовные и интеллектуальные искания западного мыслителя кажутся какими-то *безрадостными*. Библейский дух радости быть, звучащий в возгласе «Ликуй, Исаяя!», в них не слышится, будто его оттесняют то ламентации и самоупреки, то интеллектуальные формулы, отчеканиваемые острым аналитическим умом. Правда, иногда у Бирана мелькнет светлое впе-

¹³ Примеров, подтверждающих этот тезис, слишком много, чтобы на них долго задерживаться. Приведу только одно высказывание позднего Бирана в его «Дневнике»: «Тот, кто понимает что-то, выше этого понимаемого им» [Maine de Biran, 1931, p. 334]. Мысль эта воспринимается как эхо паскалевского афоризма о достоинстве человека как «мыслящего тростника». Верную оценку связи Бирана с Паскалем дал известный швейцарский бирановед Эрнест Навиль: «Паскаль нередко давал Бирану материал для размышления; Биран начинает с борьбы с Паскалем, но, сражаясь с ним, его узнает и кончает тем, что сближается с ним» [Navelle, 1857, p. 82].

¹⁴ О соотношении Шеллинга с экзистенциальной философией см. [Марсель, 2013, с. 68–93]. О Равесоне и Шеллинге см. [Блауберг, 2014, с. 59–65 и др.].

¹⁵ При всей жесткости отталкивания от Гегеля у Кьеркегора нетрудно обнаружить и влияние на него диалектики автора «Феноменологии духа» и «Науки логики».

чатление от свежего ветра или восхищение пейзажем, но нет какого-то так нужного нам милого и родного, задушевного и теплого, светлого и радостного духа. Западный ум слишком уж перенапряжен, обретаясь или в обществе с борьбой самолюбий, или наедине с собой в поисках Бога, выступающего для него скорее как строгий Судия, чем как любящий Отец... И, однако, во всей западной философской традиции мы найдем совсем немного мыслителей, которые были бы нам так по-братски близки, как Мен де Биран¹⁶.

Список литературы

- Блауберг, 2014 – *Блауберг И.И.* Истоки бергсонизма. Философия Феликса Равессона. М.: ИФ РАН, 2014. 187 с.
- Визгин, 2013 – *Визгин В.П.* Мен де Биран и Габриэль Марсель // *Визгин В.П.* Очерки истории французской мысли. М.: ИФ РАН, 2013. С. 66–82.
- Кротов, 2000 – *Кротов А.А.* Философия Мен де Бирана. М.: Изд-во МГУ, 2000. 104 с.
- Марсель, 2013 – *Марсель Г.* Был ли Шеллинг предшественником философии существования? // *Марсель Г.* О смелости в метафизике. СПб.: Наука, 2013. С. 68–93.
- Марсель, 1995 – *Марсель Г.* Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // *Марсель Г.* Трагическая мудрость философии: Избр. работы / Пер. с фр., сост, вступ. ст. Г.М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1995. С. 72–106.
- Delhomme, 1950 – *Delhomme J.* Biranisme et philosophie de l'existence // *Revue de Métaphysique et de Morale.* Janv.-Mars 1950. no. 1. P. 69–81.
- La Valette Monbrun A. de., 1914 – *La Valette Monbrun A. de.* Maine de Biran, critique et disciple de Pascal d'après de nombreux documents inédits. Paris, 1914. 322 p.
- Maine de Biran, 1927 – *Maine de Biran M.F.P.* Journal intime. T. 1. Paris: Plon, 1927. 300 p.
- Maine de Biran, 1931 – *Maine de Biran M.F.P.* Journal intime. T. 2. Paris: Plon, 1931. 355 p.
- Maine de Biran, 1922 – *Maine de Biran M.F.P.* Influence de l'habitude sur la faculté de penser // *Maine de Biran M.F.P.* Oeuvres / P. Tisserand, éd. T. 2. Paris: Alcan, 1922. 361 p.
- Naville, 1857 – *Naville E.* Maine de Biran, sa vie et ses pensées. P.: Cherbuliez, 1857. 421 p.
- Tisserand, 1920 – *Tisserand P.* Introduction // *Maine de Biran M.F.P.* Oeuvres / P. Tisserand, éd. T. 1. Le premier journal. P.: Alcan, 1920. P. I–LXXV.

Existential Motives in Maine de Biran's "Diary"

Viktor Vizgin

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gorncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vizgin.viktor@yandex.ru

The vast "Diary" of Maine de Biran (1766–1824), founder of the French spiritualist tradition, holds the central place in his works. Heterogeneous layers of notes focus on the single conceptual whole in the existential metaphysical question of the "bearing point" in the stream of change. This question, deeply felt by the "Diary"'s author not only as a theoretical problem, but also as a personal, spiritually important question, serves as a motive and "spring" of his philosophical search. The article pay special attention to the "resonance" of de Biran with the stoics and Pascal, who raised basically the same question, although in another context. The author also finds parallel moments in Maine de Biran and Gabriel Marcel as heir to the tradition he founded. As shown in the article, on the axis of this question together with the subsequent attempts to solve it forms an existential "melody" characteristic for Biranian thought. The author concludes that the "Diary" of the founder of the French spiritualism may be characterized as the diary of an existential philosopher avant la lettre.

¹⁶ Не случайно, что премию Французской академии моральных и политических наук за лучшую книгу по теме «Будущее спиритуализма» по конкурсу 1933 г. получил Бердяев, русский религиозный философ, не только высоко ценивший мысль Мен де Бирана, но и творчески продолживший основанную им традицию [Марсель, 2013, с. 321].

Keywords: Maine de Biran, French spiritualism, existential philosophy, philosophy and wisdom, philosophy and religion

References

- Blauberg I.I. *Istoki bergsonizma. Filosofiya Felixa Ravaissona* [The Sources of Bergsonism. Philosophy of Felix Ravaisson]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 2014. 187 p. (In Russian)
- Delhomme J. Biranisme et philosophie de l'existence, *Revue de Métaphysique et de Morale*, janv.-mars 1950, no. 1, pp. 69–81.
- Krotov A.A. *Filosofiya Maine de Birana* [Philosophy of Maine de Biran]. Moscow: MGU Publ., 2000. 104 p. (In Russian)
- La Valette Monbrun A. de. *Maine de Biran, critique et disciple de Pascal d'après de nombreux documents inédits*. Paris: Alcan, 1914. 322 p.
- Maine de Biran M.F.P. Influence de l'habitude sur la faculté de penser. In: Maine de Biran M.F.P. *Oeuvres*. P. Tisserand, ed. T. 2. Paris: Alcan, 1922. 361 p.
- Maine de Biran M.F.P. *Journal intime*, vol. 1. Paris: Plon, 1927. 300 p.
- Maine de Biran M.F.P. *Journal intime*, vol. 2. Paris: Plon, 1931. 355 p.
- Marcel G. Ontologicheskoe tainstvo i konkretnoe priblizhenie k nemu [The Ontological Mystery and the Concrete Approach to It]. In: Marsel G. *Tragicheskaya mudrost' filosofii: Izbr. raboty* [The Tragic Wisdom of Philosophy: Selected Works], transl. by G. Tavrizyan. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 1995, pp. 72–106. (In Russian)
- Marcel G. Byl li Schelling predshestvennikom filosofii sushchestvovaniya? [Was Schelling the Forerunner of the Philosophy of Existence?]. In: Marcel G. *O smelosti v metafizike* [About Courage in Metaphysics], transl. by V. Vizgin. St.-Petersburg: Nauka Publ., 2013, pp. 68–93. (In Russian)
- Naville E. *Maine de Biran, sa vie et ses pensées*. Paris: Cherbuliez, 1857. 421 p.
- Tisserand P. Introduction. In: Maine de Biran M.F.P. *Oeuvres*. P. Tisserand, ed. T. 1. Le premier journal. Paris: Alcan, 1920, pp. I–LXXV.
- Vizgin V.P. Maine de Biran i Gabriel Marcel [Maine de Biran and Gabriel Marcel]. In: Vizgin V.P. *Ocherki istorii frantsuzskoi mysli* [Essays on the History of French Thought]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 66–82. (In Russian)